

Moscow University Bulletin

JOURNAL

founded in November 1946
by Moscow University Press

Series 9

PHILOLOGY

NUMBER FIVE

SEPTEMBER – OCTOBER

Published in 6 issues per year
on behalf of the Faculty of Philology
by Moscow University Press

Moscow University Press • 2020

Вестник Московского университета

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в ноябре 1946 г.

Серия 9

ФИЛОЛОГИЯ

№ 5

СЕНТЯБРЬ – ОКТЯБРЬ

Выходит один раз в два месяца

Издательство Московского университета • 2020

М. Биазо

ЗАМЕТКИ О ВИДОВРЕМЕННЫХ СВОЙСТВАХ ГЛАГОЛОВ КУПЛИ-ПРОДАЖИ В РУССКОМ И СЕРБОХОРВАТСКОМ ЯЗЫКАХ

*Падуанский университет / Новисадский университет
35137, Падуа, ул. Беато Пеллегрини, 28 / 21000,
Нови-Сад, ул. Др. Зорана Джунджича, 1*

Глаголы купли-продажи сближаются с семантикой перформативов в особом прагматическом контексте (т.е. когда они употребляются в качестве главных предикатов в комиссивных речевых актах). В славянских языках морфосинтаксическая реализация этих квазиперформативов устроена по-разному. В русском языке, например, доминирующей формой является настоящее-будущее (НБ, типа *куплю, продам*), употребление настоящего несовершенного вида (Н^{НСВ}, типа *покупаю, продаю*) гораздо менее частотно. В сербохорватском языке, с другой стороны, можно употребить только презенс несовершенного вида (типа *kupijem, prodajem*). На основе примеров, взятых из национальных корпусов (*Национальный корпус русского языка, Korpus savremenog srpskog jezika, Hrvatski nacionalni korpus*), при объяснении сходств и различий между контекстами употребления глаголов купли-продажи в этих языках используются три аргумента. Что касается сходств, во-первых, с чисто семантической точки зрения большое значение имеет нелокализованность во времени русских НБ и Н^{НСВ} и сербохорватского През^{НСВ}. Во-вторых, на прагматическом уровне, совпадение говорящего (автора высказывания) с агенсом-субъектом (исполнителем действия) передает отчетливый оттенок намерения, которое в разных славянских языках может выражаться по-разному (с разными видовременными формами). Наконец, что касается различий на когнитивном уровне надо учесть эпистемическую оценку говорящего, определяемую как когнитивную осведомленность говорящего о внутренней структуре события. Хотя полная (когнитивная) узнаваемость события ассоциируется, как правило, с СВ (что объяснило бы большую частотность НБ в русском языке), семантика события отображается в разных морфосинтаксических конфигурациях, в зависимости от грамматических ограничений, найденных в данном языке.

Ключевые слова: глагольный вид; глаголы купли-продажи; перформативные глаголы; модальность; эпистемическая оценка.

Биазо Марко – аспирант Отделения лингвистических и литературных исследований в Падуанском университете (Università degli Studi di Padova) и Отделения славистики на Философском факультете в Новисадском университете (e-mail: marco.biasio.1@phd.unipd.it).

1. **Введение.** Глаголы купли-продажи¹ (далее – ГКП), употребленные в качестве главных предикатов в комиссивных речевых актах², обладают некоторыми общими семантическими свойствами, которые сближают их с типичными комиссивными перформативами (например, *обещать, отказывать*)³. Речь идет о таких контекстах:

(1) **Куплю** акустическую гитару. / **Продам** холодильник – пишите в личку.

(2) **Kupujem** lovački karabin. / **Prodajem** metalni čamac.

‘Куплю (букв. ‘покупаю’) карабин для охоты’ / ‘Продам (букв. ‘продаю’) стальную лодку’

В частности, в одном и том же прагматическом контексте в обоих классах предикатов сосуществуют компонент однократности (относящийся к прагматическому уровню высказывания) и компонент длительности (относящийся к семантическому представлению события, концептуализированного предикатом), как это уже было отмечено Ю.Д. Апресяном [Апресян, 1995а: 214–217; Апресян, 1995б]. Иными словами, это значит, что осуществление двух отдельных событий ‘купли’ и ‘обещания’, отличающихся в соответствующих высказываниях моментальностью, все-таки занимает некоторый промежуток времени.

Важно отметить, что ГКП при этом, однако, не являются перформативами в узком смысле. Во-первых, при произнесении высказываний не осуществляется совпадение речи с действием, которое является отличительной чертой настоящих перформативных высказываний. Во-вторых, ГКП тяготеют к лексической самостоятельности. В-третьих, высказывания, в которых ГКП употреблены как главные предикаты, не ссылаются на положение дел, ими самими созданное (т.е. не владеют автореференциальностью).

Многослойная семантическая конфигурация ГКП в значительной степени воздействует на их реализацию на уровне глагольного вида. Кроме того, в каждом славянском языке взаимодействие лексической семантики глагольного предиката и его видовременных свойств (т.е.

¹ ГКП образуют особый семантический подкласс в системе транзакционных глаголов (“transaction verbs”) или, по [Апресян, Богуславский, Иомдин, Санников, 2010: 319–323], относятся к глаголам обмена ценностями. Они, в свою очередь, считаются близкими к глаголам, обозначающим так называемые семиотические акты, т.е. акты, мыслимые как мгновенные, которые в действительности все-таки занимают определенное время (термин «семиотический акт» взят из [Зализняк, Микаэлян, Шмелев, 2015: 69]).

² Комиссивным речевым актом говорящий обязуется выполнить действие, появляющееся в синтаксической структуре в качестве прямого дополнения самого перформатива (например, [что я скоро вернусь] в предложении *Обещаю, что я скоро вернусь*). Определение взято из таксономии [Searle, 1976].

³ Для словенского языка на это не раз обращала внимание А. Дерганц [Дерганц, 2012: 234–235].

поверхностная морфосинтаксическая реализация глагольных категорий вида и времени) проявляется по-разному.

В данной статье мы сосредоточимся на видовременных свойствах пары ГКП, употребленных в комиссивных речевых актах (в письменном, т.е. в объявлениях и плакатах, и в устном виде) в квазиперформативной функции на данных русского (*покупать/купить, продавать/продать*) и сербохорватского (*kupovati/kupiti, prodavati/prodati*) языков.

Поясним принятый в статье терминологический аппарат. По отношению к рассматриваемым русским видовременным формам глаголов совершенного вида (далее – СВ) мы будем употреблять термин *настоящее-будущее* (далее – НБ) [Виноградов, 2001⁴: 466–471]. Для соответствующих форм глаголов несовершенного вида (далее – НСВ) мы используем термин *настоящее несовершенного вида* (далее – Н^{НСВ}) [Бондарко, 1971: 64–79].

В случае сербохорватских видовременных форм ситуация является несколько иной. Надо учесть, что актуальная для этого исследования морфологическая оппозиция в глагольной парадигме сербохорватского континуума включает как формы презенса НСВ, так и формы грамматикализованного футурума (СВ), т.е. двухсторонняя видовременная оппозиция в сербохорватском языке действует на ином (в сравнении с русским языком) морфологическом уровне. В связи с этим считаем нужным ввести другие термины для обозначения сербохорватских форм, а именно термины, общепринятые в сербских и хорватских лингвистических исследованиях, т.е. *презент несовершенного вида* (далее – През^{НСВ}) и *футурум совершенного вида* (далее – Фут^{СВ}), а также *презент совершенного вида* (далее – През^{СВ}) для видового партнера През^{НСВ} [Пипер, Клајн, 2014²: 167–168, 173–177, 387–391, 394–404]).

Статья состоит из пяти частей. Раздел 2 содержит анализ русских примеров, взятых из *Национального корпуса русского языка* (далее – НКРЯ). В разделе 3 рассмотрены данные сербохорватского языка⁴,

⁴Напомним, что под «сербохорватским языком» подразумеваются разные варианты южнославянского языка, на которых в настоящее время говорят в преобладающем большинстве республик, возникших после распада социалистической Югославии (в том числе в Хорватии, Сербии, Боснии и Герцеговине и Черногории). Автор признает справедливость позиций, недавно принятых в «Декларации об общем языке» (*Deklaracija o zajedničkom jeziku*). Декларация доступна по ссылке. URL: <http://jezicinalizmi.com/deklaracija/> (дата обращения: 27.02.2020). Уточним также, что мы решили привести примеры из основных национальных корпусов двух более распространенных языковых вариантов сербохорватского континуума (т.е. сербский и хорватский, литературная норма которых к тому же основывается на одном и том же наречии, а именно на штокавском наречии) исключительно в целях бóльшей репрезентативности материала.

взятые из основных национальных корпусов (*Korpus savremenog srpskog jezika*, далее – SrpKor, и *Hrvatski nacionalni korpus*, далее – HNK). В следующем разделе иллюстрируются сходства и различия между этими славянскими языками, которые можно объяснить на семантическом (см. неактуальность события, выраженного предикатом) и прагматическом (см. компонент намерения, выраженный агенсом-субъектом) уровнях, а также на когнитивном уровне, с особым учетом пропозициональной модальности (см. потенциальность действия, эпистемическую оценку говорящего). Наконец, в разделе 5 подведены итоги исследования.

2. *ГКП в русском языке.* В русском языке при выражении речевого акта купли доминирующей формой является НБ, как показывают следующие примеры:

(3) По всему городу висели объявления: **куплю... куплю...** «**Куплю** килограмм еды» — не мяса, не сыра, а любой еды. [Светлана Алексиевич. *Время second-hand* // «Дружба народов», 2013]

(4) Только на узком прилавке сбоку от окошечка скромно прилегла картонка, на которой от руки написано: «**Куплю** предметы старины, значки, монеты, книги, фарфор». [Ирина Павская. «Джоконда» Мценского уезда (2006)]

Интересно заметить, что форма НБ *куплю* является грамматически приемлемой и при прибавлении наречия времени (обобщенного типа) как, например, *срочно*. Этой особенностью ГКП резко отличаются от прототипических комиссивных перформативов, которые не допускают употребления таких сирконстантов (предложения вроде **срочно обещаю* являются семантически аномальными)⁵:

(5) Колокол корабельный или что-то похожее на него **куплю** *срочно*. [Объявления (1997) // «Столица», 1997.03.18]

Данные, взятые из корпуса, показывают, что в одном и том же прагматическом контексте допускается, хотя и в значительно меньшей мере, чередование НБ с соответствующей формой Н^{НСВ}. На

⁵ Анонимный рецензент данной статьи отметил, что несовместимость наречия *срочно* с глаголом (*по*)*обещать* по всей видимости носит более общий (семантический) характер, как свидетельствует неестественность таких предложений, как *Вася срочно (по)обещал Маше, что поужинает с ней в ресторане*. Вопрос заслуживает отдельного внимания, потому что, на наш взгляд, по крайней мере, в некоторых неперформативных контекстах такая совместимость допускается, например, в *Его сильно раскритиковали, и он срочно пообещал, что в будущем будет более внимательным* (автор благодарит В.Ю. Трубникову за этот пример). Следует также заметить, что, с другой стороны, наречия времени (обобщенного типа) в общем не сочетаются ни с одним комиссивным перформативом, см. общую неприемлемость **срочно клянусь*, **срочно предлагаю*, **срочно спорю* <на эту тему> и очень ограниченную (и не всеми информантами принятую) приемлемость **срочно отказываюсь*.

выбор вида не влияют обязательно ни определенность, ни квантификация прямого дополнения, которое может употребляться в единственном или множественном числе. При наличии объекта в единственном числе возможны оба прочтения, а именно квазиперформативное (см. прим. (6)) и узуальное (см. прим. (7)). При наличии объекта во множественном числе, однако, преобладающим является узуальное значение, которое естественно ассоциируется с формами H^{HCB} (см. прим. (8)).

(6) Срочно **покупаю** полулитражку⁶.

(7) **Покупаю** «Форд Экспорт» 1978 года выпуска⁷.

(8) Там он приторговывал собственноручно изготовленными плексигласовыми безделушками. И всегда выставлял на рабочем месте плакатик «**Покупаю** частушки». [А. Никонов. «Столица», 1997.05.27]

Что касается выражения речевого акта продажи, то и в этом случае доминирующей формой является НБ:

(9) И когда его показали на экране видеокуба арены, Евгений развернул большой лист бумаги с надписью «**Продам** гараж» и номером телефона. [К. Беляков. Советский спорт, 2012.04.09]

Здесь, однако, видовая оппозиция оказывается теснее связана с определенностью и квантификацией внутреннего объекта⁸, как показывает противопоставление в (10), где H^{HCB} , как правило, ассоциируется с неопределенным объектом, т.е. *крокодилов*, а НБ с квантифицированными и определенными объектами, т.е. *детеныша леопарда* и *малайского медвежонка-бируанга*:

(10) В Интернете глаза разбегаются от предложений. «**Продаю** крокодилов. Миролюбивые, идеально подходят для домашнего террариума». «**Продам** детеныша леопарда и малайского медвежонка-бируанга. Цена договорная». [А. Велигжанина. Комсомольская правда, 2014.07.17]

3. ГКП в сербохорватском языке. Хорошо известно, что в литературной норме сербохорватского языка, основанной на штокавском диалекте (экавского или екавского варианта)⁹, презенс совершенного

⁶ Это объявление автор прочитал в апреле 2016 г., поблизости от Царицына.

⁷ За этот пример автор выражает свою благодарность анонимному рецензенту.

⁸ Возможная гипотеза для этой асимметрии выдвигается в разделе 4. Заметим, что наличие H^{HCB} не исключается в единичных актах продажи, хотя в таких случаях объект предпочтительно (но не всегда) интерпретируется неопределенно, см. *Продаю детеныша леопарда и малайского медвежонка-бируанга*.

⁹ Наиболее раздробленной является диалектная картина, с особым учетом хорватских изоглосс кайкавского диалекта, которые ведут себя аналогично словенскому языку и поэтому требуют отдельного исследования [Dickey, 2000: 199–201].

вида в общем невозможно употреблять самостоятельно в главных предложениях (Танасић, 1996)¹⁰. Сербохорватская языковая система налагает это ограничение, чтобы преодолеть то, что в литературе называют “present perfective paradox”, т.е. (типологически) ограниченная совместимость категорий «настоящего времени» и «перфектива» для выражения события, протекающего в момент высказывания [De Wit, 2017]. Ограничение объясняется, по крайней мере, двумя факторами. Во-первых, форма является временно неопределенной (т.е. невозможно ее употребить в актуальных контекстах). Во-вторых, как отмечено С. Дики [Dickey, 2000: 25–27], прототипическое значение сербохорватского перфектива включает как семантический компонент «целостности» (типичным для «западной» славянской группы, т.е. для чешского, словацкого, словенского, верхне- и нижнелужицкого языков), так и компонент «темпоральной определенности» (типичным для «восточной» славянской группы, т.е. для русского, украинского, белорусского и болгарского языков).

В квазиперформативном контексте только През^{НСВ} приемлем для ГКП (*kupujem, prodajem*), в то время как формы През^{СВ} в общем являются неграмматичными (**kupim, *prodam*):

(11) Kad smo nazvali nekoliko osoba iz oglasa tipa „**Kupujem (*Kupim)** Ž. M.” saznali, da su neki spremni platiti taj iznos, kako bi živjeli u pravu u tom prestižnom domu [HNK, doc#112311]

‘Когда мы позвонили лицам, опубликовавшим объявления типа «Куплю (букв. ‘покупаю’) Ж. М.», мы узнали, что некоторые люди склонны заплатить такую сумму, лишь бы жить в том престижном доме’

(12) Ako u novinama uskoro osvane oglas “**Prodajem (*Prodam)** 400 punih pansiona u Niškoj Banji”, lako se može pretpostaviti da je “prodavac” – inž. Mladen [SrpKor, Politika (30.05.2001), poli010530.txt]

‘Если в газетах скоро появится объявление «Продам (букв. ‘продаю’) 400 полных пансионеров в Нишской Бане», легко предположить, что продавец – это инженер Младен’

През^{НСВ}, как русское НБ (ср. (5)), свободно сочетается с наречиями времени обобщенного типа (например, *hitno* ‘срочно’). Это свидетельствует о том, что и в сербохорватском языке ГКП не являются настоящими перформативами:

¹⁰ Вскользь подчеркнем, однако, что През^{СВ} иногда обнаруживается самостоятельно и в главных предложениях, но только в ограниченных контекстах, например при присутствии модального (адвербиального) оператора *možda* (‘может быть’). Интересно, в тех же контекстах През^{СВ} можно заменить и формами футурума I и футурума II (предикаты всегда употребляются в СВ), см. *Možda kupim^{ПрезСВ} (ću kupiti^{ФутI}, budem kupio/-la^{ФутII})/prodam^{ПрезСВ} (ću prodati^{ФутI}, budem prodao/-la^{ФутII}) kući na moru* ‘Может быть, куплю/продам дом на море’ (подробнее об этом см. [Гудков, 2006: 62; Ковачевић, 2008; Војводић, 2018: 64–66]).

(13) Svetao, prostran, lepo namešten stan, *hitno prodajem* [SrpKor, Politika (03.12.2010), poli101203.txt]

‘Срочно продам (букв. ‘продаю’) светлую, просторную и хорошо меблированную квартиру’

В сербохорватской глагольной системе, наряду с През^{CB}, другим функциональным эквивалентом русского НБ является *футурум* совершенного вида (*futur prvi*, далее – Фут^{CB})¹¹. Стоит отметить, однако, что замена През^{HCB} соответствующими формами Фут^{CB}, хотя в принципе грамматически и возможна, но вызывает прагматические аномалии: такие формы невозможно употребить в атемпоральных контекстах, допустимы они только в тех случаях, когда субъект-говорящий реферирует к своему конкретному намерению, которое он собирается осуществить либо в момент высказывания, либо в неопределенном будущем ((14) ниже прагматически не полностью приемлем). Не будет излишним уточнить, что конкретное намерение говорящего осуществить отображенное в предложении действие, конечно, проявляется во всех здесь обсужденных примерах. Однако в то время как при употреблении През^{HCB} такое намерение остается неопределенным (нелокализованным) на временной оси (см. дальше), при употреблении Фут^{CB} такое намерение явно отсылается к плану будущего (т.е. речь идет о будущем, а не о настоящем или временно отвлеченном намерении). Иными словами, Фут^{CB}, в отличие от През^{CB}, не владеет атемпоральностью и служит проспективной (ближким будущим) или чисто футуральной формой (см. (15)) в зависимости от контекста:

(14) Ako u novinama uskoro osvane oglas **“Prodaću** 400 punih pansiona u Niškoj Banji”...

(15) **“Prodaću** kasetu sa lekcijama engleskog jezika i **kupiću** jednog velikog psa”, šali se pekinški taksista Vang [SrpKor, Politika (12.07.2001), poli010712.txt]

‘«Продам кассету с уроками английского языка и куплю большую собаку», шутит пекинский таксист Ванг’

Итак, картина сербохорватских ГКП такова: През^{CB} в данных контекстах неприемлем из-за грамматических ограничений, Фут^{CB} – из-за прагматических ограничений, а През^{HCB}, который отличается атемпоральностью (т.е. действие нелокализовано на временной оси), остается единственной приемлемой видовременной формой.

¹¹ Точнее говоря, През^{CB} сближается с русским НБ как на формальном (обе формы диахронически считают неактуальными настоящими), так и на функциональном уровне (обе формы отличаются общей семантической чертой атемпоральности и употребляются в атемпоральных контекстах), в то время как Фут^{CB} делит с русским НБ (в частности, с его прототипическими, т.е. вторичными, употреблениями) одни и те же темпоральные (футуральные) свойства.

4. *Сходства и различия в употреблении ГКП в русском и сербохорватском языках.* Семиотические акты ‘купли’ и ‘продажи’, как не раз подчеркивалось в литературе, семантически многослойны. Они состоят из многочисленных подсобытий и предполагают присутствие некоторых актантов, которые, в свою очередь, могут взаимодействовать друг с другом в разной степени (см. когнитивный анализ, проведенный в [Croft, Taoka, Wood, 2001]). Помимо того, трансакционные акты, по-видимому, общепризнаны и общеприняты на мировом уровне как основа человеческих взаимоотношений. Они, как правило, кодифицированы в формальных (т.е. синтаксических) структурах, которые со временем приобрели некую устойчивость.

Однако внелингвистическое представление событий ‘купли’ и ‘продажи’, разумеется, не является единственным фактором, объединяющим проанализированные нами языки. Контексты употребления ГКП как схожи, так и различаются еще во многом. Сначала сосредоточимся на *сходствах* между контекстами, в которых употребляются разные видовременные реализации ГКП в русском и сербохорватском языках.

Во-первых, все проанализированные нами языковые обозначения актов купли и продажи имеют общий компонент *темпоральной неактуальности* (нелокализованности во времени), т.е. они дейктически не привязаны к темпоральной оси. Это свойство не зависит от того, что с точки зрения их семантической декомпозиции события ‘купли’ и ‘продажи’ по своей сути различны, т.е. концептуализируются по-разному. Скорее всего, вариативность в отношении между реализацией вида ГКП и определенности прямого дополнения (как в русском примере (10)) и большую «гибкость» в распределении разных видовременных форм (ср. НБ и Н^{НCB} в русских примерах (9)–(10)) можно объяснить тем, что акт продажи, в отличие от акта купли, легче представить себе как действие, протяженное во времени.

В русских и сербохорватских примерах события, выраженные предикатом, не разворачиваются в самый момент высказывания, но могут осуществиться в какой-нибудь другой момент (и могут не осуществляться вообще). Об этой «обобщенной» темпоральности форм свидетельствуют, с одной стороны, возможность прибавления сирконстантов обобщенной темпоральности (ср. *срочно* в (5) и *hitno* в (13)), а с другой – невозможность в сербохорватском языке сохранить одно и то же толкование события при замене одной видовременной формы (атемпоральный През^{НCB}) другой («чистым» Фут^{CB}).

Во-вторых, на прагматическом уровне высказывания, как уже отмечено Ф. Эсваном по поводу видовременных свойств чешских

ГКП [Esvan, 2011: 143–146], совпадение говорящего с субъектом-агентом передает отчетливый компонент *намерения*, готовности к выполнению действия, выраженного предикатом (т.е. в русском языке *куплю/продам* в смысле *собираюсь купить/продать*). Такие скрытые модальные значения¹² в русском языке ассоциируются прежде всего с формами НБ¹³. Напротив, в сербохорватском языке, где употребление През^{CB} в главных предложениях значительно затруднено, отображение намерения как бы «передвинулось» из През^{CB} в другую видовременную форму, т.е. През^{HCB}¹⁴.

Переходя к *различиям* контекстов с ГКП в русском и сербохорватском языках, мы должны сказать о важном параметре, относящемся к когнитивному уровню. Речь пойдет о понятии, которое мы будем называть *эпистемической оценкой говорящего*. Перейдем теперь к обсуждению этого расхождения.

Понятие оценки говорящего относится прежде всего к когнитивной осведомленности говорящего о внутренней структуре события (ср. аналогичное понятие «конструирование», присущее когнитивной лингвистике). Иными словами, говорящий оценивает событие на основе того, насколько оно является когнитивно допустимым («узнаваемым»)

Высокую встречаемость НБ для ГКП в русском языке можно объяснить тем, что полная узнаваемость события, как правило, ассоциируется с СВ. В квазиперформативном контексте употребления ГКП говорящий употребляет СВ, чтобы просигнализировать, что событие вполне допустимо на когнитивном уровне. Это общее свойство естественно вытекает из прототипического семантического компонента, характеризующего СВ в восточнославянских языках, т.е., как мы уже видели, темпоральная определенность [Dickey, 2018: 81–102]. Вариативность в выборе вида ГКП зависит в первую очередь от ассоциации между морфологической формой и ее семантическим содержанием [De Wit, Brisard, Meeuwis, 2018: 247–249]. Иными словами, если верно, что употребление СВ в общем ассоциируется с большей узнаваемостью внутренней структуры события (что объ-

¹² Намерение, воля, внутренняя возможность и способность (интеллектуального или физического типа) считаются частными значениями функционального поля динамической модальности (по знаменитой таксономии в [Palmer, 2001²]).

¹³ Уже отмечено, однако, модальное приращение и в семантике Н^{HCB}, особенно при отрицании [Падучева, 2017].

¹⁴ Остается открытым вопрос о роли Фут^{CB} в обозначении модальных функций в данном контексте, особенно если учитывать, что модель его образования – перифрастический оборот с (почти) грамматикализованной клитикой, происходящей от праславянского глагола **chytěti* ‘хотеть’.

яняет полную приемлемость и большую частотность НБ в русском), надо еще обосновать ограничение в употреблении функционально равнозначных форм През^{CB} в сербохорватском языке.

Это ограничение можно объяснить только при допущении, что в любом языке (в том числе и в сербохорватском) грамматическая структура всегда имеет приоритет перед когнитивным представлением событий. Говорящий может дальше оценивать (и потом «конструировать») событие на основе своего знания до тех пор, пока оно не вступает в противоречие с грамматической структурой определенного языка.

5. Заключение. В настоящей статье мы сравнили главные видовременные свойства ГКП, употребленные в (квази)перформативных) комиссивных речевых актах в русском и сербохорватском языках. На наш взгляд, тот факт, что ГКП в каждом из двух языков проявляются в разных видовременных конфигурациях (т.е. НБ и Н^{HCВ} в русском, През^{HCВ} в сербохорватском) можно объяснить на основе трех аргументов, включающих сходства и различия между контекстами употребления ГКП. Контексты объединяет, с одной стороны, присутствие общего признака атемпоральности (нелокализованности события во времени), который в русском передается как НБ, так и (хотя с меньшей частотностью) Н^{HCВ}, а в сербохорватском только През^{HCВ}. С другой стороны, прагматическая актуализация модального компонента намерения в русском ассоциируется чаще всего с НБ, а в сербохорватском с Н^{HCВ}.

Что касается различий, чтобы объяснить тяготение русских ГКП к СВ, можно опираться на понятие оценки говорящего и, в частности, на ассоциацию между полной узнаваемостью события и его видовым конструированием. В то же время невозможность употребления сербохорватского През^{CB} в одном и том же контексте, объясняется ограничениями, наложенными грамматической структурой языка, которая превосходит релевантностью оценку говорящего.

Точный языковой статус оценки говорящего требует более подробного рассмотрения на фоне широкого круга (славянских и неславянских) языков и большего количества транзакционных глаголов¹⁵. В данном контексте также необходимо было бы выяснить роль глагольного времени в отображении модальных значений. Однако эти вопросы выходят за рамки настоящего исследования.

¹⁵ Насколько нам известно, одна и та же закономерность наблюдается также для других глаголов, выступающих в похожих речевых актах, как, например, *сдавать/сдать, снимать/снять* и др. Обсуждение этого вопроса требует отдельного исследования.

Список литературы

1. *Апресян Ю.Д.* Перформативы в грамматике и в словаре // Избранные труды. Том II – Интегральное описание языка и системная лексикография, М., 1995а. С. 199–218.
2. *Апресян Ю.Д.* Глаголы моментального действия и перформативы в русском языке // Избранные труды. Т. II – Интегральное описание языка и системная лексикография, М., 1995б. С. 219–241.
3. *Апресян Ю.Д., Богуславский И.М., Иомдин Л.Л., Санников В.З.* Теоретические проблемы русского синтаксиса. Взаимодействие грамматики и словаря, М., 2010.
4. *Бондарко А.В.* Вид и время русского глагола (значение и употребление). Пособие для студентов, М., 1971.
5. *Виноградов В.В.* Русский язык (грамматическое учение о слове), М., 2001⁴.
6. *Војводић Д.* Футуралност у савременом руском, пољском и српском језику [Електронски извор], Нови Сад, 2018. (Едиција Е-дисертација; књ. 15). URL: <http://digitalna.ff.uns.ac.rs/sadrzaj/2018/978-86-6065-449-8>.
7. *Гудков В.П.* Презенс глаголов совершенного вида в значении будущего времени в сербскохорватском (сербском и хорватском) языке // Славистички студии. 2006. № 12 (На проф. Р.П. Усикова по повод нејзината 70-годишнина). С. 61–63.
8. *Дерганц А.* Перформативные глаголы в словенском языке // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2012. № 6. С. 228–236.
9. *Зализняк А.А., Микаэлян И.Л., Шмелев А.Д.* Русская аспектология: в защиту видовой пары, М., 2015.
10. *Ковачевић М.* Конкурентност двају футура и перфективног презенту у савременом српском језику // Зборник Матице српске за славистику. 2008. № 73. С. 195–211.
11. *Падучева Е.В.* Модальное приращение в семантике отрицательного имперфектива // Международная научная конференция «Русский глагол» (к 50-летию выхода в свет книги А.В. Бондарко и Л.Л. Буланина). Тезисы докладов. СПб., 2017. С. 107–108.
12. *Пунер П., Клајн И.* Нормативна граматика српског језика, Нови Сад, 2014².
13. *Танасић С.* Презент у савременом српском језику. Београд, 1996.
14. *Croft W., Taoka C., Wood E.J.* Argument Linking and the Commercial Transaction Frame in English, Russian and Japanese // Language Sciences. 2001. № 23(4–5). С. 579–602.
15. *De Wit A.* The Present Perfective Paradox across Languages. Oxford, 2017.
16. *De Wit A., Brisard F., Meeuwis M.* The Epistemic Import of Aspectual Constructions: The Case of Performatives // Language and Cognition. 2018. № 10(2). С. 234–265.
17. *Dickey S.M.* Parameters of Slavic Aspect: A Cognitive Approach. Stanford, 2000.
18. *Dickey S.M.* Thoughts on the ‘Typology of Slavic Aspect’ // Russian Linguistics. 2018. № 42(1). С. 69–103.
19. *Esvan F.* К některým lexikosemantičným zvláštnostem transakčních sloves // Korpusová lingvistika Praha – 2: Výzkum a výstavba korpusů, Praha, 2011. С. 142–149.
20. *Palmer F.R.* Mood and Modality, Cambridge, 2001².
21. *Searle J.* A Classification of Illocutionary Acts // Language in Society. 1976. № 5 (1). С. 1–23.

Электронные корпуса

1. Национальный корпус русского языка (НКРЯ): <http://www.ruscorpora.ru/new/> (последний просмотр: 29.02.2020)
2. Korpus savremenog srpskog jezika (KSS): <http://www.korpus.matf.bg.ac.rs> (последний просмотр: 29.02.2020)

3. Hrvatski nacionalni korpus (HNK): http://filip.ffzg.hr/cgi-bin/run.cgi/first_form (последний просмотр: 29.02.2020)

Marco Biasio

SOME REMARKS ON THE TEMPO-ASPECTUAL CHARACTERISTICS OF SALE-PURCHASE VERBS IN RUSSIAN AND SERBO-CROATIAN

University of Padova / University of Novi Sad

28 Beato Pellegrino street, Padua, 35137 / 1 Dr. Zoran Djindjic street, Novi Sad, 21000

Sale-purchase verbs share some interesting properties with performative verbs when used as the main predicates of commissive speech acts (i.e. promises, refusals, and the like). Their morphosyntactic realization differs between Slavic languages. In Russian, for instance, the highly preferred choice is the perfective present-future (PresF: *куплю, продам*), although in the same context the imperfective present (Pres^{IPF}: *покупаю, продаю*) can also be found. In Serbo-Croatian, on the other hand, only the imperfective present (Pres^{IPF}: *kupujem, prodajem*) is available, for the perfective present (Pres^{PF}: *kupim, prodam*) is generally blocked in main clause contexts and the second closest functional equivalent to Russian PresF, the perfective future (Fut^{PF}: *kupi(t)ću, proda(t)ću*), does not hold atemporal readings. The difference in the morphosyntactic coding of sale-purchase verbs in Russian and Serbo-Croatian can be led back to (and explained through) the detection of similarities and differences in their contexts of usage. Three main claims are put forward. The semantic feature of atemporality plays a major role in determining the aspectual properties of the forms: it may explain the alternation of PresF and Pres^{IPF} in Russian (both forms allow for atemporal readings) and the sole acceptability of Pres^{IPF} in Serbo-Croatian. Secondly, there is a common modal overtone of intentionality, which is associated with different morphosyntactic structures in every Slavic language. Lastly, the way the speaker believes they have (cognitive) access to the event (the so-called *epistemic evaluation*) affects the morphosyntax of sale-purchase verbs. Although full accessibility to the event tends to be associated with PF, the speaker's epistemic evaluation is effective as long as it does not violate the grammatical structure of the single language (which would explain why Serbo-Croatian Pres^{PF} is still ungrammatical in the given context).

Key words: verbal aspect; sale-purchase verbs; performative verbs; modality; epistemic evaluation.

About the author: *Marco Biasio* – PhD Student in Slavistics at the University of Padua, Italy (Università degli Studi di Padova) and the University of Novi Sad, Republic of Serbia (Univerzitet u Novom Sadu) (e-mail: marco.biasio.l@phd.unipd.it).

References

1. Apresjan Ju.D. *Performativy v grammatike i v slovare* [Performative verbs in grammar and the vocabulary] // *Izbrannye trudy*. Tom II – Intergral'noe opisanie jazyka i sistemnaja leksikografija [Selected Works. Volume II – A complete description of the language and systematic lexicography]. Moscow, Jazyki slavjanskoj kul'tury, 1995a, pp. 199-218. 769 pp. (In Russ.)

2. Apresjan Ju.D. *Glagoly momental'nogo dejstvija i performativy v ruskom jazyke* [Verbs of instantaneous action and performatives in Russian] // *Izbrannye trudy*. Tom II – Intergral'noe opisanie jazyka i sistemnaja leksikografija [Selected Works. Volume II – A complete description of the language and systematic lexicography]. Moscow, Jazyki slavjanskoj kul'tury, 1995b, pp. 219–241. 769 pp. (In Russ.)
3. Apresjan Ju.D., Boguslavskij Ju.D., Iomdin L.L., Sannikov V.Z. *Teoretičeskie problemy russkogo sintaksisa. Vzaimodejstvie grammatiki i slovarja* [Theoretical problems of Russian syntax. The interaction between grammar and the vocabulary]. Moscow, Jazyki slavjanskich kul'tur, 2010. 409 pp.
4. Bondarko A.V. *Vid i vremja russkogo glagola (značenje i upotreblenie). Posobie dlja studentov* [Aspect and tense of the Russian verb (meaning and usage). A manual for students]. Moscow, Prosveščenie, 1971. 240 pp.
5. Vinogradov V.V. *Russkij jazyk (grammatičeskoe učenie o slove)* [The Russian verb (A grammatical study of the word)]. Moscow, Russkij jazyk, 2001⁴. 719 pp.
6. Vojvodić D. *Futuralnost u savremenom ruskom, poljskom i srpskom jeziku* [Futurity in contemporary Russian, Polish, and Serbian language], ESB, Novi Sad, 2018. 479 pp. URL: <http://digitalna.ff.uns.ac.rs/sadrzaj/2018/978-86-6065-449-8> (last access: 29/02/2020).
7. Gudkov V.P. *Prezens glagolov soveršennogo vida v značenii buduščego vremeni v serbskochorvatskom (serbskom i chorvatskom) jazyke* [The present of perfective verbs with future meaning in Serbo-Croatian (Serbian and Croatian)]. *Slavistički studii* [Slavistic studies]. 2006, № 12 (Na prof. R.P. Usikova po povod nejzinata 70-godišnja), pp. 61–63. (In Russ.)
8. Derganc A. *Performativnye glagoly v slovenskom jazyke* [Performative verbs in Slovenian]. *Vestnik MGU. Serija 9. Filologija* [Moscow State University Bulletin. Series 9. Philology]. 2012, № 6, pp. 228–236. (In Russ.)
9. Zaliznjak A.A., Mikaeljan I.L., Šmelev A.D. *Russkaja aspektologija: v zaščitu vidovoj pary* [Russian aspectology: in defense of the aspectual pair]. Moscow, Jazyki slavjanskich kul'tur, 2015. 392 pp.
10. Kovačević M. *Konkurentnost dvaju futura i perfektivnog prezenta u savremenom srpskom jeziku* [The opposition of the two futures and the perfective present in contemporary Serbian] // *Zbornik Matice srpske za slavistiku* [Matica Srpska-Journal of Slavic Studies]. 2008, № 73, pp. 195–211.
11. Padučeva E.V. *Modal'noe priraščenie v semantike otricateľ'nogo imperfektiva* [Modal increment in the semantics of the negative imperfective] // *Meždunarodnaja naučnaja konferencija «Russkij glagol» (k 50-letiju vychoda v svet knigi A.V. Bondarko i L.L. Bulanina). Tezisy dokladov* [International scientific conference “The Russian verb” (celebrating 50 years of the publication of A.V. Bondarko and L.L. Bulanin's book). Handouts]. Saint-Petersburg, Nestor-Istorija, 2017, pp. 107–108. 188 pp. (In Russ.)
12. Piper P., Klajn I. *Normativna gramatika srpskog jezika* [A normative grammar of Serbian]. Novi Sad, Matica Srpska, 2014². 584 pp.
13. Tanasić S. *Prezent u savremenom srpskom jeziku* [The present in contemporary Serbian]. Belgrade, Institut za srpski jezik SANU, 1996. 190 pp.
14. Croft W., Taoka C., Wood E.J. *Argument Linking and the Commercial Transaction Frame in English, Russian and Japanese* // *Language Sciences*, 2001, № 23(4-5), pp. 579–602. doi: [https://doi.org/10.1016/S0388-0001\(00\)00037-1](https://doi.org/10.1016/S0388-0001(00)00037-1).
15. De Wit A. *The Present Perfective Paradox across Languages*. Oxford, Oxford University Press, 2017. 240 pp.
16. De Wit A., Brisard F., Meeuwis M. *The Epistemic Import of Aspectual Constructions: The Case of Performatives* // *Language and Cognition*, 2018, № 10(2), pp. 234–265. doi: <https://doi.org/10.1017/langcog.2017.26>.

17. Dickey S.M. *Parameters of Slavic Aspect: A Cognitive Approach*. Stanford, CSLI Publications, 2000. 316 pp.
18. Dickey S.M. Thoughts on the 'Typology of Slavic Aspect' // *Russian Linguistics*, 2018, № 42(1), pp. 69-103. doi: <https://doi.org/10.1007/s11185-017-9189-x>.
19. Esvan F. *K některým lexikosémantickým zvláštnostem transakčních sloves* [On some lexicosemantic peculiarities of transaction verbs] // *Korpusová lingvistika Praha – 2: Výzkum a výstavba korpusů* [Prague Corpus Linguistics – 2: Research and corpora construction]. Prague, Nakladatelství Lidové Noviny-Ústav českého národního korpusu, 2011, pp. 142–149.
20. Palmer F.R. *Mood and Modality*. Cambridge, Cambridge University Press, 2001². 254 pp.
21. Searle J. A Classification of Illocutionary Acts // *Language in Society*, 1976, № 5(1), pp. 1–23. doi: <https://doi.org/10.1017/S0047404500006837>.

Electronic corpora

1. Nacional'nyj korpus ruskogo jazyka (NKRJa): <http://www.ruscorpora.ru/new/> (last access: 29/02/2020)
2. Korpus savremenog srpskog jezika (SrpKor): <http://www.korpus.matf.bg.ac.rs> (last access: 29/02/2020)
3. Hrvatski nacionalni korpus (HNK): http://filip.ffzg.hr/cgi-bin/run.cgi/first_form (last access: 29/02/2020)